

Хозяйка Го Гуна рано скончалась, и в поместье жила только одна наложница, из юности Се Янь Пина. Но, к несчастью, она была из тех, кто держится ниже по течению, обычно держась особняком и следуя правилам, редко выходя из своего двора. Третий Мастер Се также был человеком, на которого нельзя было рассчитывать, так как он не был человеком, который мог бы подняться. Поэтому теперь, когда Се Юй Чжи был наказан вставанием на колени, не было никого, кто пришел бы и убедил Го Гуна передумать.

Ночь была темная, и деревья шелестели на ветру. С луной, висящей высоко в небе, казалось, что на ветвях был слой серебра, и даже булыжная мостовая сияла мерцающими цветами. Без сомнения, это был прекрасный пейзаж, на который можно было смотреть, но стоять на коленях было определенно неудобно.

Молодая служанка стояла рядом, держась за мягкую подушку, плача и умоляя Второго Мастера Се уменьшить дискомфорт на коленях, но глаза Се Юй Чжи были закрыты, а уши невосприимчивы к шуму. Однако Се Янь Пин разбил чайную чашку о землю от гнева на бессердечие Се Юй Чжи и громко сказал:

«Пусть делает, что хочет! С тех пор как он родился, он всегда вел себя так же упрямо, как всегда с этим плохим характером. Ни капельки не симпатичный. Рано или поздно из-за этого характера он попадет в беду!»

Там были люди, наблюдавшие с насмешливым смехом в тени, но как только они увидели человека, входящего в Пагоду, они все поспешили обратно в темноту.

«Ночной воздух покрыт холодом, что, в конце концов, не очень хорошо для вашего тела. Второй Мастер должен помнить о том, чтобы заботиться о себе.»

Теплый и знакомый смеющийся голос донесся до ушей Се Юй Чжи. Он открыл глаза и обнаружил, что в какой-то момент Чэнь Мяо Пин опустился на колени рядом с ним. Сначала он был шокирован, но потом сердито посмотрел на него.,

«Что ты здесь делаешь? Пришел посмотреть, что я за шутка?»

«Под этим небом так много шуток, зачем мне приходиться к Второму Мастеру?»

Чэнь Мяо Пин не обратил внимания на его ужасное поведение и взял мягкую подушку из рук слуги. Он сказал это тихо и мягко, словно уговаривая ребенка, который закатил истерику.

«Давай поставим это ниже тебя, а? В противном случае мой тесть будет страдать изнутри, если увидит тебя в таком состоянии.»

Се Юй Чжи равнодушно отвел глаза, повернулся лицом к парадным дверям Пагоды и не обратил на него внимания.

Увидев его таким, Чэнь Мяо Пин не смог удержаться от смешка и отложил подушку в сторону. В глубине души он подумал, что никогда еще не видел такого глупца, который любит усложнять себе жизнь. Если бы он был чуть менее упрямым и твердолобым, ему не пришлось бы подвергаться такому наказанию.

Но на первый взгляд он только вздохнул и сказал:

«Хорошо, если Второй Мастер не желает использовать его, тогда все в порядке.»

Сердце Се Юй Чжи подумало, что он, должно быть, сейчас уходит, но черное поле закрыло его глаза. Чэнь Мяо Пин шуршал своей одеждой, прежде чем снова опуститься на колени рядом с ним. Зрачки его расширились, и он холодно спросил:

«Что ты делаешь?»

Конечно, это было сделано для того, чтобы его тесть полюбил его еще больше.

«За то время, что уйдет на приготовление чая, твое наказание закончится. Дорога назад довольно темная этой поздней ночью, так что Чэнь Мяо Пин будет ждать здесь со Вторым Мастером.»

Чэнь Мяо Пин улыбнулся, сказав это, с лицом, которое было слишком привлекательным для этого мира, даже все служанки, стоявшие рядом, были ошеломлены его красотой. Грудь Се Юй Чжи несколько раз вздымалась прежде чем он сказал без благодарности,

«Ты мне не нужен. Разве ты сегодня недостаточно преклонил колени? А теперь оставь меня в покое!»

«Я не управляю тобой, а ты не управляешь мной. Просто притворись, что я сегодня недостаточно преклонил колени.»

Чэнь Мяо Пин, казалось, был зол и даже не использовал свои почетные звания. После этого он не обращал на него внимания и лишь изредка поглядывал на луну, на цветы и траву, словно был счастлив в одиночестве. Се Юй Чжи не знал почему, но после того, как он увидел его таким, ему стало все равно.

Камни ночью были пропитаны холодом, и стоять на коленях было совершенно неудобно. У Се Юй Чжи была старая рана на ноге, и он иногда чувствовал, как боль проникает в его кость, заставляя его чувствовать себя так, как будто он стоял на коленях не на камне, а на иглах. Его тело начало раскачиваться, а плечи начали сутулиться. Увидев это, Мо-мо, наблюдавший за наказанием, хлестнул его по спине бамбуковой палкой.,

«Второй Мастер ссутулился, пожалуйста, выпрямитесь.»

Семья Се окопалась в армии, и их семейное наказание было строже, чем у большинства. Коленопреклонение должно быть сделано в позе прямой, как каллиграфическая кисть: талия не может быть согнута, плечи не могут сутулиться, а голова не может опускаться. Этого было достаточно, чтобы заставить кого-то встать на колени до смерти.

Молча приняв удар, Се Юй Чжи выпрямился и расправил плечи. Но поскольку он был прикован к постели, по крайней мере, последние два года, плата за лекарства, которые он должен был принять, уже стерла силу из его тела.

Его лоб покрылся холодным потом, а лицо стало белым, как бумага. Однако, как это было в темноте ночи, если не смотреть внимательно, то не было бы в состоянии увидеть его. Особенно учитывая расстояние, пожилой Мо-мо не мог видеть его состояние.

Через мгновение дыхание Се Юй Чжи участилось, а глаза вот-вот потемнеют, а тело безудержно закачалось. Со звуком хлыста старшая служанка собиралась снова ударить бамбуковой палкой.-

Но на этот раз контакта не было.

Се Юй Чжи ждал, казалось, очень долго, но даже так он не почувствовал ожидаемой боли. Он не смог сдержать любопытства и повернул голову. Чья-то рука за его спиной поймала бамбуковую палку в воздухе.

Чэнь Мяо Пин...

Се Юй Чжи посмотрел на него, ошеломленный. Затем он слегка поджал губы и хрипло произнес:

«..... Отпустить.»

Мо-мо также повторил его чувства и сказал:

«Гу-Е, пожалуйста, отпусти хлыст. Это семейное наказание, правило, установленное и переданное древними предками. Это не должно и не может быть изменено.»

Ее мутные глаза остановились на Чэнь Мяо Пине, как бы намекая, что если он не отпустит ее, то тоже получит свою долю наказания.

«Кости Второго Мастера не выдержат этих ударов, и он не сможет так долго стоять на коленях. Если бы Свекор увидел его таким, его сердце, несомненно, было бы ранено. Правила не человеческие, Мо-мо, пожалуйста, прояви снисхождение.»

Сказал Чэнь Мяо Пин, отпуская хлыст, и повернулся, чтобы поддержать Се Юй Чжи. Другой сопротивлялся, но его тихо ругали,

«Перестань шуршать.»

Чэнь Мяо Пин почти наполовину принуждал, наполовину удерживал его, когда его другая рука плавно потянула подушку и с силой заставила Се Юй Чжи опуститься на колени. Увидев это перед своими глазами, старшая горничная бессознательно посмотрела в сторону пагоды Диань Юн.

Из того немногого, что она могла видеть Се Янь Пина через полупрозрачное резное окно, он поглаживал свою бороду, как будто улыбаясь, а затем одобрительно кивнул головой с такого расстояния.

Пожилая горничная могла только притвориться, что ничего не видит, и отпустить его.

Чэнь Мяо Пин одной рукой держал Се Юй Чжи за плечи и, видя, что его лоб покрыт холодным потом, поднял другую руку, чтобы рукавом вытереть лоб Се Юй Чжи,

«Другие люди проводят свою первую брачную ночь, празднуя ее в комнате при свечах, но вот мы, совсем не такие, как обычно, собрались здесь, чтобы преклонить колени в наказание.»

Се Юй Чжи закрыл глаза,

«Если не хочешь стоять на коленях, возвращайся сама.»

Чэнь Мяо Пин улыбнулся и сказал,

«Второй Мастер все еще сердится на меня.»

После того, как он сказал это, рука на плечах Се Юй Чжи начала скользить вниз. Не обращая внимания на его легкую борьбу, Чэнь Мяо Пин взял его за руку и объяснил полуправду и полуправду,

«Я родился в бедной среде, и встреча с Чунь Цяо напомнила мне о некоторых прошлых воспоминаниях и чувствах. Я позволил ей войти в поместье в качестве прислуги в результате моих собственных воспоминаний, но откуда мне было знать, что у нее были такие мысли в голове? Сегодня моя голова плохо соображала, я был пьян до бесчувствия, ошеломлен и сбит с толку. Каким-то образом, в конце концов, я оказался с ней в одной комнате. Если я сказал, что у меня есть другое сердце, это абсолютная ложь.»

Се Юй Чжи слегка нахмурил брови от своих слов.

Тогда Чэнь Мяо Пин сказал это еще более злобно,

«Если я действительно дурачился с этой служанкой и предал Второго Хозяина, то я проклинаю себя за то, что в меня ударила молния и я никогда не умру хорошей смертью. Как только я умру, мое тело будет съедено и разорвано дикими собаками, чтобы никогда не иметь места для захоронения.»

Люди в древних цивилизациях верили во всевозможные мифы и легенды, и такого рода проклятия было нелегко произнести из-за страха, что они станут правдой. Проклятие Чэнь Мяо Пина на самого себя было достаточно жестоким, чтобы Се Юй Чжи поверил в это с малейшими сомнениями. Но если Чэнь Мяо Пин хотел, чтобы он сказал что-нибудь, чтобы показать, что он отступает, то он не знал, как это сказать.

Встретившись взглядом с Чэнь Мяо Пином, Се Юй Чжи замолчал и через некоторое время начал двигаться. Сначала он слегка приподнял колени, а потом мягкую подушку под ним швырнули в Чэнь Мяо Пина. Это можно рассматривать как положительный признак.

Чэнь Мяо Пин подумал про себя, что, когда он пришел сюда, он уже был готов. Его колени были связаны чем-то в качестве буфера под одеждой, так что он не испытывал ни малейшей боли.

И вместо этого он положил мягкую подушку обратно под колени Се Юй Чжи. Этот жест заботы смягчил сердца всех служанок, находившихся поблизости.,

«Не беспокойся обо мне. Моя плоть достаточно твердая, чтобы выдержать это, и это не так уж долго, чтобы встать на колени.»

Он убрал руку с подушки, но Се Юй Чжи внезапно схватил его за запястье. С выражением замешательства на лице он поднял голову, чтобы посмотреть на него.

Глаза Се Юй Чжи были устремлены в землю и его голос слегка понизился,

«Я отношусь к тому типу людей, которые не заботятся о репутации. На этот раз я поверю тебе, но в будущем, если ты сделаешь что-нибудь подобное снова, даже если мне придется обменять свою жизнь, я разорву тебя на миллион кусков плоти.....»

Чэнь Мяо Пин в глубине души думал, что он не будет таким же глупым, как первоначальное тело. Даже если я сделаю это, как я могу позволить тебе узнать?

Но на первый взгляд он серьезно кивнул головой и сказал;

«Если когда-нибудь наступит такой день, то Мяо Пин позволит Второму Мастеру делать с ним все, что тот захочет.»

Чем больше он проклинал себя, тем легче ему становилось, как будто это было так же просто и привычно, как есть еду. Небеса не поверят этому, да и сам Чэнь Мяо Пин тоже не поверил.

Но Се Юй Чжи верил в это.

Хотя тот ничего не сказал, Чэнь Мяо Пин почувствовал, как давление на его запястье ослабло, и не смог удержаться от тихого смешка. Он думал, что Се Юй Чжи слишком легко обмануть. Всего несколькими ласковыми словами он уже был повергнут в замешательство.

Услышав ночью звон дров, одна из старших служанок вышла вперед и напомнила им об этом.,

«Второй Мастер, Гу-Е, время вышло.»

Услышав это, Чэнь Мяо Пин внутренне расслабился. Если бы они продолжали стоять на коленях, даже с обивкой, его ноги онемели бы. Он положил руку на талию Се Юй Чжи и с небольшой силой потянул его вверх. Он сказал тихим голосом,

«Пойдем, пойдем обратно.»

Се Юй Чжи никогда никому не позволял поддерживать себя. Последний слуга, который осмелился сделать это, был немедленно продан из поместья. Но на этот раз, когда Чэнь Мяо Пин поддерживал его, на его лице не было ни единого неодобрительного выражения.

Старшие служанки двора Цу Фэн, Рен Дон и Фу Лин, ждали их снаружи с фонарями в руках. Видя, как они обнимают друг друга, возвращаясь, они сначала были ошеломлены, а затем счастливы, так как это должно означать, что они помирились и снова были вместе. Они быстро пошли вперед, чтобы идти по обе стороны от пары, и осветили им дорогу назад.

«Второй Мастер, Гу-Е, горячая вода приготовлена для купания. Эти горничные будут ждать снаружи вашего звонка, чтобы обслужить ваши волосы.»

Приказал им Чэнь Мяо Пин,

«Второй Мастер, Гу-Е, горячая вода приготовлена для купания. Эти горничные будут ждать снаружи вашего звонка, чтобы обслужить ваши волосы.»

Фу Лин не смогла сдержать улыбки. Во дворе Цу Фэна их было немного, но лекарств для таких вещей у них было больше всего, возможно, даже больше, чем у врачей в Императорском дворце. Она поклонилась и сказала:

«Да, Гу-Е, эта служанка не смеет забывать об этом и уже приготовила кое-что.»

Затем Чэнь Мяо Пин отвел взгляд и тихо сказал Се Юй Чжи,

«Второй Мастер не любит, когда другие находятся рядом во время купания, но один человек, в конце концов, не очень удобен. Я подожду снаружи у двери. Если тебе что-нибудь понадобится, не забудь позвать меня, ладно?»

Его глаза были чисты, как изумрудная статуэтка, и последнее слово было произнесено с такой снисходительностью и нежностью, что он выглядел таким соблазнительным, таким красивым и привлекательным, как будто вся его любовь изливалась в этот самый момент. Рен Донг и Фу Лин, истекая изнутри медом, думали: "как может быть в этом мире такой очаровательный и совершенный мужчина?"

Держась за локти, Се Юй Чжи вошел в комнату. Он замолчал и заморгал, услышав слова Чэнь Мяо Пина, но не повернулся, чтобы посмотреть на него. Он даже не повернул головы, чтобы ответить.,

«Если ты волнуешься, тогда пойдем в дом.»

Это сразу же заставило Чэнь Мяо Пина остановиться, и в ответ он повернулся, чтобы закрыть за ними двери.

Когда они вошли во внутреннюю секцию в задней части комнаты, он увидел ванну, вырезанную из белого нефрита, расположенную посередине с красиво нарисованными художественными перегородками по бокам. Слабый пар поднимался вверх, мешая видеть сквозь комнату. Вся атмосфера была такой, словно они ступили в сказочный мир, в рай.

Се Юй Чжи расстегнул пояс и бросил его на одну из перегородок. Затем он снял свою красную верхнюю одежду, оставив только черную нижнюю, когда почувствовал, как холодный ветер скользнул по его спине.

Его брови тут же напряглись от прикосновения руки к плечу. Рефлекторно ухватившись за запястье этой руки, он перевернулся и повернул другую руку, чтобы проскользнуть к телу.

Чэнь Мяо Пин подсознательно боролся, и так как Се Юй Чжи не был в устойчивом положении, они оба упали в воду.

«Второй Мастер, это я.»

Чэнь Мяо Пин с шумом высунул голову из воды, подняв множество брызг. Он не умел плавать, поэтому несколько раз поперхнулся и продолжал бороться, пока Се Юй Чжи с некоторой силой не схватил его за плечо и не вытащил наверх.

Чэнь Мяо Пин оперся на него, чтобы не упасть, и отчаянно похлопал себя по груди от страха.

Как будто в его голосе звучала улыбка, Чэнь Мяо Пин сказал:

«У второго Мастера хорошие навыки.»

Одежда Се Юй Чжи промокла до нитки, и его чернильно-черная нижняя мантия прилипла к коже, резко контрастируя с бледной белой кожей. С красными, как кровь, губами, он был прекрасен до странности пугающе.

Услышав эти слова Чэнь Мяо Пина, уголки его глаз поднялись вверх, и он спросил его в ответ,

«Разве у меня нет имени?»

Чэнь Мяо Пин сказал,

«Я слишком часто называл себя Вторым Мастером и слишком привык к этому титулу. Это будет трудно изменить так быстро.»

Се Юй Чжи кивнул, но ничего не сказал, что можно было расценить как согласие. Получив это одобрение, Чэнь Мяо Пин сказал:

«Тогда Второй Мастер, пожалуйста, найдите время, чтобы умыться. Мяо Пин будет ждать за перегородками.»

Затем он повернулся и уже собирался выйти из бассейна, когда Се Юй Чжи внезапно потянул его за воротник халата. Еще один всплеск, и он услышал недовольный голос собеседника:

«Ты упал в бассейн в той одежде, что на тебе сейчас, и даже не снял туфли. И ты хочешь, чтобы я продолжал пользоваться водой в этой ванне?»

Чэнь Мяо Пин ответил,

«Тогда Мяо Пин попросит Второго Мастера немного подождать, пока Мяо Пин позовет служанок сменить воду.»

Се Юй Чжи слегка рассмеялся

«Я не очень-то тороплюсь, а ты чего торопишься?»

А затем, схватив Чэнь Мяо Пина за шиворот, потянул его к себе. Его темные глаза пристально посмотрели на него, прежде чем сказать:

«Сегодня должен был быть хороший день, но этот никчемный слуга огорчил меня, испортил то, что должно было быть хорошим днем. Мы с тобой поклонились небу и земле, выпили вино Хэ Цзинь¹, но единственное, через что мы не прошли, - это церемония брачных покоев, завершающая нашу брачную ночь.»

И кто сказал, что они не спешат?

Чэнь Мяо Пин медленно улыбнулся и обнял Се Юй Чжи за талию. Он подтолкнул другого к краю ванны и сказал,

«Это моя вина, что я сделал несчастным Второго Мастера.....»

Его глаза были похожи на многочисленные вишневые цветы, распускающиеся в марте, и казалось, что его изливающаяся любовь излучается всем его существом. Его теплые пальцы нежно погладили брови Се Юй Чжи, а затем остановились у его губ, спрашивая,

«Тогда что, если мы сейчас завершим наши свадебные ритуалы?»

Се Юй Чжи сказал,

«Это, конечно, естественно. Если мы не будем этого делать, как мы будем считаться мужем и женой?»

В старину люди проводили ритуалы более высокого значения, веря в мифы, в особые дни удачи. Все свадебные ритуалы должны быть завершены в один и тот же день, и ни один шаг нельзя пропустить.

Чэнь Мяо Пин видел слишком много фильмов и шоу, как будто они были запечатлены в его сознании, и он знал, что ему следует делать. Услышав это, он улыбнулся и схватил Се Юй Чжи за подбородок. Медленно двигаясь вниз, он легонько поцеловал его, так нежно, что их волосы завились, как будто они были просто потрясены.

Обычно Се Юй Чжи был упрямым человеком, но в это время у него не было других мыслей, затуманивающих его разум. В этот момент он мог только слышать, как яростно плещется вода, когда он крепче сжал руками шею Чэнь Мяо Пина. Его глаза были потеряны в оцепенении и покраснели, тело дрожало и дрожало, царапая руками спину Чэнь Мяо Пина, оставляя за собой след следов.

Чэнь Мяо Пин не мог не сделать холодный вдох и сильно прикусил губы в отместку, делая эти и без того кроваво-красные губы еще краснее.

Плеск и свист воды превратили температуру из кипящей горячей в чуть выше холодной. Время шло медленно, прежде чем звуки внутри, наконец, замедлились и остановились. Они пробыли

там так долго, что ноги Рен Дуна и Фу Линя так онемели от стояния снаружи за это время.

Чэнь Мяо Пин держался за ослабевшее тело Се Юй Чжи и делал маленькие засосы один за другим на его бледной белой шее,

«Доволен ли Второй Мастер завершением этого брачного ритуала?»

Се Юй Чжи не ответил и только крепко схватил его за плечи, хрипло сказав:

«Сегодня мы не можем долго валять дурака. Завтра мы должны отдать дань уважения моей старшей сестре в императорском дворце.»

Старшая сестра? Чэнь Мяо Пин некоторое время размышлял над этим, а затем понял, что это должна быть та самая Императорская Благородная Супруга Сияния.

Он улыбнулся и кивнул головой.,

«Хорошо, тогда позвольте мне поддержать Второго Мастера.»

Се Юй Чжи удовлетворенно улыбнулся. Чэнь Мяо Пин нравился ему тем больше, чем больше он смотрел на него и думал, что тот не ошибся в выборе мужа. Он ущипнул Чэнь Мяо Пина за подбородок и сказал,

«Вы скоро отправитесь в Академию Хань Линь 2, которая является всего лишь рутинной для административных чиновников и ученых. В этой работе нет никакого смысла. Завтра моя старшая сестра найдет тебе место получше.»

Чэнь Мяо Пин подумал, что его партнер определенно идеально подходит ему, и собрался ответить. Но прежде чем он успел сказать “хорошо”, в его мозгу внезапно прозвучало предупреждение, и механический голос заговорил:

[Динь!]

[Мой дорогой хозяин, о, я надеюсь, что у вас все хорошо. Вы должны знать, что неприятности будут исходить из уст, и ваши действия пойдут вразрез с правилами системы. В первый раз вы получите предупреждение, во второй раз будет серьезное предупреждение, а в третий раз мы начнем отнимать очки жизни. Пожалуйста, цените этот второй шанс в жизни.]

[Активирована сильнейшая система самообеспечения галактики, и наша конечная миссия состоит в том, чтобы быть самодостаточным, быть уверенным в себе и всегда отказываться от того, чтобы быть содержанным человеком. Мой дорогой хозяин, пожалуйста, используйте свой собственный тяжелый труд и свои собственные руки, чтобы создать свои собственные

результаты, так как это самая сладкая и самая красивая вещь, которую можно достичь!
Давайте станем сильными!!!]

Чэнь Мяо Пин:

Примечания:

* 1 Вино Хэ Цзинь (вино, которое можно принять как “объединиться вместе”): Существуют различные вариации в том, как совершается ритуал, как это всегда бывает с традицией, но в основном это супружеская пара, потребляющая горькое вино (сделанное из плода, называемого Калebasом) в первую брачную ночь (иногда с помощью специальных винных чашек, которые имеют форму плода), чтобы сигнализировать о том, что они разделят счастливое и плохое, соберутся вместе, чтобы пройти через любые страдания.

*2 Академия Хань Линь: может рассматриваться как Императорская академия, в которой она объединяет группу литературоведов/чиновников, которые вместе составляют литературные произведения, исторические свитки и так далее, или вещи, связанные с документацией и написанием литературных произведений, санкционированных императорским дворцом.

<http://bllate.org/book/17367/1628897>